

Проф. М. И. Артамонов

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВОСПОРСКИХ СПАРТОКИДОВ

Античные колонии — явление более сложное, чем их изображали ранее. Уже в самом начале своего существования они представляют собой соединение элементов местных с пришедшими извне, с большим или меньшим преобладанием тех или других из них, к тому же в соотношении не постоянном, а меняющемся со временем в силу различных причин. До тех пор, пока раскопки преследовали задачу отыскания художественных вещей для музеев, пока археология была на службе формалистической истории искусств, можно было не замечать того громадного количества форм чисто местного происхождения, которые переполняют античные города Северного Причерноморья, например, Ольвию. Теперь отвлечься от этого материала уже невозможно. В истории колоний, их материального производства и культуры нельзя не учитывать того значения, которое имел местный элемент. Колонии необходимо изучать уже не только с точки зрения их влияния на местную среду, но и с точки зрения той роли, которую в их истории играло туземное население.

Античные колонии далеко не всегда, — можно сказать, лишь как исключение — возникали на пустом месте. Как правило, они основывались в пунктах туземного заселения, в местах, которые и до колонизации были средоточием местной жизни¹. Особенно интересен и поучителен в этом отношении пример древнего Танаиса, который благодаря слабости античной колонизации хорошо сохранил свой туземный облик². Возникнув сначала как рыбацкий поселок на одном из островов дельты реки Дона (городище у станицы Елизаветовской), он в дальнейшем благодаря своему удобному положению стал средоточием кочевого населения Подонья. Сюда, в дельту реки, обильную подножным кормом, пригоняли кочевники свои стада на зиму. В Танаисе они основывали свои зимние жилища, здесь по островкам вокруг поселения раскинулось большое курганное кладбище.

Исследования курганного могильника у Танаиса показали весьма интересную и важную для изучения скифского общества V—III вв.

¹ А. А. Иессен, *Греческая колонизация Северного Причерноморья*, Л., 1947.

² Т. Н. Книпович, *Опыт характеристики городища у ст. Елизаветовской по находкам экспедиции ГАИМК в 1928 г.*, ИГАИМК, вып. 104 (1934). «Из истории Боспора».

до н. э. картину имущественного расслоения¹. Самое же интересное в данной связи заключается в том, что в большей части погребений этого могильника положение покойника имеет направление на зимний восход. Следовательно, большинство погребений в этом могильнике устроено зимой. Тем самым подтверждается значение Танаиса как зимнего становища для кочевников, летом уходивших со своими стадами к северу вдоль реки. В Танаисе селились ремесленники, снабжавшие кочевников несложными произведениями местного мастерства. Сюда же скоро явились и греческие торговцы, основавшие торговую факторию, разросшуюся затем в колонию. В дальнейшем, с обмелением рукава Дона, на котором стоял древний Танаис, эта колония была перенесена на новое место—на коренной берег реки у станции Недвиговской².

Танаис вовсе не исключение ни как зимнее становище кочевников, ни как колония с туземным населением в основе. Подобные ему «города» — зимние ставки кочевников известны и в других местах, хотя еще очень слабо изучены, например, Каменское городище на Днепре близ Никополя³. В них, несомненно, рано образовалось постоянное население, возникли производства, обслуживавшие потребности варваров, появились прочные жилища кочевой знати с постоянно живущими в них слугами, а в некоторых обосновались и греческие колонии. Еще чаще основой для последних служили туземные поселки оседлого рыболовецкого или земледельческого населения. Так, на месте греческого поселения на острове Березани существовал рыбачий поселок туземцев⁴, на месте Ольвии, вероятно, было туземное поселение. Н. Я. Марр полагал, что в основе названия «Ольвия» лежит местное слово, означающее «город-поселение»⁵. С. А. Жебелев убедительно показал, что греческое имя этого города действительно представляет осмысление местного слова «Ольба», означавшего поселение⁶. То же надо сказать о многих других греческих колониях, сохранивших местные наименования (Пантикапей, Китей, Тиритака, Тиранбиа, Корокондама и др.). Греческие города, таким образом, в ряде случаев выступают перед нами как наслоения на туземную основу, далеко не всегда заглушающие местную жизнь с ее особыми, собственными путями развития, конечно, опосредствованными античным влиянием, но, в свою очередь, влиявшими на историю самих греческих колоний.

Античные колонии стали уже изучаться как аппарат колониальной эксплуатации туземцев, но они все еще остаются в глазах исследователей обособленными и независимыми от туземного общества в своей внутренней истории. Для нас же колонии должны быть особенно интересны именно с точки зрения взаимодействия античного и варварского миров. Для нас особенно интересны те перемены в социально-экономическом строе

¹ Л. Леонтьев, Разыскания в устьях Дона, «Пропаганд», IV, 504 сл.; «Извлечение из отчета об археологических раскопках в 1853 г.», СПб., 1855, 116 сл.; Раскопки Хицунова, ОАК, (1870—1871) XLII сл.; Раскопки И. Ушакова, Дело АК, 1901, № 240; Раскопки А. А. Миллера, ИАК, 35, 86 сл.; ОАК (1908), 129 сл.; (1909—1910), 141 сл.; ИАК, 56, 220 сл.; ОАК (1911), 46 сл.; «Труды XIV АС», III, 83 сл.

² А. А. Миллер, «Сообщения ГАИМК», 1932, № 9—10, 66 сл.

³ Б. Граков, Скифи, Київ, 1947, стр. 55, 61; «Материалы к всесоюзному археол. совещанию», М., 1945, стр. 49; Б. Н. Граков, Археологические раскопки близ Никополя, ВДИ, 1939, № 1. Он же. Литейное и кузнечное ремесло у скифов. КСНИМК, XXII, стр. 38 сл.

⁴ О. А. Артамонова, Древнейшее поселение на острове Березани. КСИИМК, 1940, стр. 5, 49 сл.

⁵ Н. Я. Марр, Ольвия и Альба Лонга, ИАН, 1925, стр. 665 сл.; он же, Значение и роль изучения наменьшинств в краеведении, «Краеведение», 1927, № 1, 13 сл.

⁶ С. А. Жебелев, Счастливые города (филологическая справка), «Из истории докапиталистических формаций», Сб. статей к сорокалетию Н. Я. Марра, М.—Л., 1933, стр. 355 сл.

и в культуре колоний, которые, находясь в связи с социально-экономическим развитием туземного общества, превращают первоначально совершенно чуждое, постороннее туземному обществу тело в виде античного города в его составную, органическую часть.

Особенно существенно проследить отношения между античными колониями и туземными племенами на примере Боспора. Его крупное значение в культурной и политической истории нашей страны совершенно бесспорно. Вместе с тем греко-варварский состав этого государства не оставляет никаких сомнений. Однако роль туземного элемента в этом государстве остается совершенно не освещенной, и большинство исследователей отводит туземцам только служебное, подчиненное положение. В действительности это не так. Боспорское государство было греко-варварским не только по составу населения, но и по содержанию всей своей истории, и об этом лучше всего говорят наиболее объективные свидетели — археологические памятники.

В противоположность другим греческим городам Северного Причерноморья в Пантикапее и других колониях Боспора рано появляется туземная знать. Если в окрестностях древней Ольвии встречаются только рядовые, изредка средние туземные погребения, то с представлением о Боспоре прежде всего ассоциируются воспоминания об его богатейших курганах типа Куль-оба, Павловского, Кекуватского, Близицы и др. Достаточно приглядеться к расположению боспорских, например пантикапейских, курганов, чтобы убедиться во всей вздорности теории об их греческом происхождении. Где это видано, чтобы греки, жители городов, устраивали кладбища вдали от города, в степи, да еще располагали курганы так, как они размещаются обычно у кочевников, т. е. по сыртам, вдоль водораздельных хребтов? Уже одно это расположение должно указать каждому внимательному наблюдателю на тесную связь погребенных со степью, а не с городом. Характерно, что позднейшие боспорские курганы, относящиеся к тому времени, когда туземное население срослось с городами, теснятся возле самого города и уже не тянутся вдоль по возвышенностям, а образуют беспорядочные группы, безразличные к рельефу окружающей местности.

Кроме местоположения, можно указать ряд особенностей в устройстве погребального сооружения, в составе погребального инвентаря, в обряде похорон, которые выдают принадлежность боспорских курганов туземному населению и во многих своих чертах соответствуют могилам, не вызывающим в этом отношении никаких сомнений. Сторонников греческой принадлежности этих погребений смущает то, что в составе могильного инвентаря преобладают вещи античного стиля, греческого типа, что там имеются принадлежности греческого культа. Но такие вещи есть и в бесспорно скифских могилах. Все дело только в количестве, в степени «эллинизации» местного населения, которую отнюдь не приходится отрицать.

В боспорских курганах преобладают вещи греческого происхождения. Это бесспорно. В самом обряде погребения, в элементах погребальной обстановки также сказывается греческое влияние. Однако делать на этом основании вывод о принадлежности боспорских курганных погребений грекам, по меньшей мере, поспешно, так как наряду с отмеченными элементами греческого обряда, греческого быта и греческой религии встречаются такие черты, которые явно выпадают из их числа и для выведения которых из Греции или от греков приходится прибегать к натяжкам и необоснованным допущениям и гипотезам. Зато эти явления находятся в полном соответствии с обычаями туземного мира. Так, например, с греческим инвентарем и даже с признаками греческого похоронного обряда

сочетаются погребения лошадей или наложниц и слуг, в составе погребенных в могилу вещей оказываются предметы туземного обихода, как то: местное оружие, шейные гривны, каких греки не носили, и т. п. Таким образом, находимые в погребении вещи греческого происхождения отнюдь не являются признаком, достаточным для определения этнической, и именно греческой, принадлежности покойного.

Но зато благодаря этим находкам можно проследить процесс быстрой эллинизации варваров, усвоения ими сначала только предметов греческого обихода, а в дальнейшем и некоторых элементов греческого быта и греческих идеологических представлений. Замечательно, что, несмотря на сильную эллинизацию определенных слоев туземного населения Боспора, в быту, как это видно из погребального обряда, еще долго можно заметить пережитки местных скифских обычаев. Мы не имеем возможности в настоящей работе заняться рассмотрением в высокой степени поучительного процесса эллинизации варварского населения Боспора, заметим только, что в первую очередь усваиваются такие черты, которые не противостоят туземным обычаям и представлениям, так что и под греческим колоритом не трудно вскрыть их старую местную основу. Это относится к древнейшим боспорским курганам V и отчасти IV вв., в которых варварский характер погребения еще сохраняется в своих основных чертах, хотя отдельные части погребального сооружения и инвентаря в большей или меньшей степени носят на себе отпечаток греческого влияния или даже прямо греческого происхождения. В дальнейшем происходит более тесное сближение. В связи с греческим влиянием происходит переобразование старого скифского обряда, отражающее новый бытовой уклад туземной знати, пронизанный эллинскими привнесениями и античными религиозными представлениями. Само собой разумеется, что благодаря тесному соприкосновению туземцев и греков на Боспоре, перекрестным бракам между теми и другими, возникновению в конце концов, по крайней мере, в составе господствующего класса, новой этнической группы полускифов-полугреков, боспоранцев, вполне вероятно, что боспорский обряд погребения применялся не только в отношении туземцев, но и в отношении этого смешанного населения и даже чистокровных греков. Для нас важно установить, что это обряд, вобравший в себя много эллинских элементов, сложился на основе местной традиции и вошел в быт господствующего класса Боспора вместе с представителями туземного населения, занявшими в нем настолько видное место, что свойственные им обряды могли быть приняты и греческой частью этого класса. Именно благодаря устойчивости местной традиции становится возможным возрождение варварских форм в позднеэллинистическое и римское время, которые на самом деле никогда не умирали, а были лишь заслонены греческими привнесениями. Так называемая варваризация Боспора отнюдь не связана с появлением здесь нового этнического элемента, а только с ослаблением роли античной культуры.

Боспорские курганы, в состав которых входят не только памятники этого рода из окрестностей Пантикапея и других городов Керченского полуострова, но и курганы Тамани, во многом похожи на курганы Кубани, а именно в самых основных чертах устройства погребения. На этом основании можно предполагать, что и туземное население Боспора этнически стояло ближе к племенам Кубани, нежели к племенам степного Крыма или нижнего Днепра. Поэтому наименование «скифы» может быть распространено на это население только с той степенью условности, с какой оно распространяется иногда на все варварское население Причерноморья.

Итак, в составе населения боспорских городов рано появляется весьма значительный слой туземной знати, могущественной и богатой, как о том

свидетельствуют боспорские курганы. Что это была за знать и в каком отношении находилась она к колонизаторам? Ответом на этот вопрос может прекрасно служить титул боспорского царя: архонт греков и царь варваров.

Какое политическое устройство имели греческие колонии Боспора в первое время своего существования, остается неизвестным, хотя едва ли они в этом отношении существенно отличались от других колоний в Причерноморье. В 480 г. до н. э., по Д и о д о р у (XII, 31, 1), к власти на Боспоре пришли Археанактиды, греческая фамилия, стоявшая во главе не только Пантикапея, но и других городов на Керченском проливе вплоть до 438 г. до н. э.

Правление Археанактидов началось много позже основания Пантикапея и других боспорских колоний. Так как Археанактиды «царствовали над Боспором», т. е. не только над Пантикапеем, но и над другими городами, расположенными по обеим сторонам Керченского пролива и основанными не одними милетцами, а и теосцами и, как полагают, митиленцами (Гермонасса) и даже клазоменцами (Киммерик), надо допустить, что для объединения этих городов в одно «царство» были весьма серьезные причины, ставившие под угрозу возможность дальнейшего существования каждого из них в отдельности. Известно, какое упорное сопротивление оказала Феодосия Спартокидам — Сатиру и Левкону при ее подчинении, хотя она была основана так же милетцами, как и Пантикапей. Основываясь на этом примере, законно усомниться в возможности объединения колоний без насущной и ясной для каждой из них потребности. Эта же объединявшая греков опасность могла явиться условием для возникновения сильной наследственной власти — династии Археанактидов. Возможно, что Археанактиды объединили греческие колонии Боспора и захватили в свои руки верховную власть над ними в связи со столкновениями этих колоний с местным варварским населением. Если Оливия вынуждена была покупать свою безопасность постоянными подарками предводителям скифских племен, то греки-колонисты на Боспоре, оказавшись между враждующими скифами и меотами, попали в еще более трудное положение. В интересах борьбы с туземцами грекам пришлось не только объединиться, но и терпеть единоличную наследственную тиранию Археанактидов.

Исходя из учета исторической обстановки в античном мире в первой четверти V в., можно допустить, что положение греческих колоний на Боспоре особенно осложнилось в связи с разгоревшейся в это время борьбой между эллинами и персами. В 499 г. до н. э. греческие города Ионии подняли восстание против Персидской державы и вслед за тем были жестоко разгромлены персами. Поскольку боспорские города были связаны с малоазиатской Грецией, это обстоятельство не могло не отразиться на их экономическом положении; торговля с Ионией сократилась, и ухудшение экономического положения боспорских колоний усиливало опасность для них со стороны местных варваров. Опасность, нависшая над греческими колониями со стороны туземцев, и могла прежде всего побудить их к объединению.

Судя по словам Диодора об Археанактидах, «царствовавших в Азии над Киммерийским Боспором», можно думать, что первоначальным центром Боспорской симмахии была Фанагория. Объединенным под властью Археанактидов греческим колониям Боспора удалось продержаться до 438—437 гг., когда власть над ними перешла в руки новой династии — Спартокидов. Как и при каких обстоятельствах совершился переворот, неизвестно, но нет никакого сомнения, что новая династия была не греческого происхождения. Основываясь на сходстве таких имен предста-

вителей этой династии, как Спарток или Перисад с фракийскими именами, обычно полагают, что Спартокиды ведут свое происхождение из Фракии, что основатель династии Спарток был предводителем фракийских наемников на службе у Археанактидов и захватил власть на Боспоре в порядке дворцового переворота¹.

Такое предположение мало вероятно, хотя Боспор, без сомнения, был связан с Фракией, и возможность наличия в нем фракийских наемников отнюдь не исключается. Больше того, определенно известно, что в IV в. до н. э. в войске боспорских царей были фракийские наемники. Тем не менее, исходя из общей оценки отношений Боспора с туземными племенами в той роли, какую, судя по археологическим данным, играл в боспорских городах местный, в особенности кубанский, этнический элемент, вероятнее полагать, что Спартокиды были династами местного происхождения. Они были представителями тех туземных варварских племен, которые не только окружали греческие города Боспора, не только составляли основу их экономического процветания, но, в лице своей аристократии, были кровно заинтересованы в состоянии дел в колониях, в их торговых связях и международных отношениях.

Опираясь на засвидетельствованные Геродотом родственные связи между скифскими и фракийскими (одрисскими) царями и на тождество некоторых скифских и фракийских имен, можно было бы предположить, что и на Боспор фракийские имена проникли в таком же порядке. Однако в такой гипотезе нет надобности, ибо среди варварских имен Северного Причерноморья, особенно Приазовья, известно не мало имен, близко сходных с фракийскими. Здесь имеются в виду имена с такими же, как в слове Спартокос (Спартоко) окончанием на «окос» — «акос», которое сближается с имеющимися в кавказских языках окончаниями «око», «оқво» — сын². Не исключена возможность, что Спарток не был фракийцем даже по имени.

Возможно, что объединение греческого Боспора с варварами было ответом на экспансию Афин, в 40-х — 30-х гг. V в. до н. э., распространившуюся на Северное Причерноморье, где они сумели захватить Тиру и Ольвию, а из владений Боспора — Нимфей³. Переход власти к Спартокидам (в 438 г. до н. э.) мог явиться естественной реакцией Боспора на притязания Афин, надо полагать, поддержанной вождями местных племен, экономически уже тесно связанными с греческими колониями. В результате усилившийся Боспор не только сохранил свою самостоятельность по отношению к афинской гегемонии, но при Сатире (407—387) вернул Нимфей, а при Левконе (387—347) захватил и Феодосию, не принадлежавшую ранее Боспору.

По свидетельству Геродота (IV, 12) и Страбона (I, 2, 9; 4, 3; XI, 1,5), на берегах нынешнего Керченского пролива (Боспора Киммерийского) долго жила память о предшественниках скифов по политическому значению в Северном Причерноморье — киммерийцах. Весьма вероятно, что меотские племена Прикубанья, в пределах расселения которых находился Киммерийский Боспор, представляли собою остатки Киммерийского союза, если не собственно киммерийцев. Новелла Геродота о детях скифских рабов, сопротивлявшихся за вром вернув-

¹ С. А. Жебелев, Боспорские этюды, I. Образование Боспорского царства, ИГАИМК, вып. 104 (1934), «Из истории Боспора», стр. 13, особенно прим. 1.

² И. А. Джавахишвили, Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи, ВДИ, 1939, № 4, стр. 30 сл.

³ С. А. Жебелев, Афины, Нимфей и измена Гилона, ИГАИМК, вып. 104 (1934), «Из истории Боспора», стр. 24 сл.

шимся из Азии скифам (IV, 1—3), возможно, является отдаленным и искаженным отражением той борьбы, которую вели киммерийцы со скифами на Боспоре.

На Керченском полуострове до сих пор имеются три вала со рвами¹; один из них отгораживает восточную оконечность полуострова в том месте, где пролив представляет наименьшую ширину и нередко замерзает. У нас нет достоверных археологических данных о времени построения этих валов. Судя по тому, что Нимфей находится за пределами первого из них с востока, К. Гриневич предполагает, что он возник еще до включения этого города в состав Боспорского царства, т. е. до конца V в. до н. э.² Последний к западу — Асандров (?) вал естественнее всего относить ко времени после распространения европейской территории Боспора до пределов тавров, т. е. после завоевания Феодосии при Левконе. Валы, следовательно, означают этапы расширения Боспорского царства на запад. Самым древним в таком случае, действительно, мог бы быть самый восточный вал, прикрывающий переправы через Керченский пролив. В. Ф. Гайдукевич датирует его киммерийским временем на том основании, что южный конец его находится у древнего поселения с негреческим именем — Тиритака, и что при раскопках последнего были находимы предметы доантичной эпохи³. К киммерийскому времени он относит и другой, так наз. Аккосов вал, пересекающий Керченский полуостров от Аджибая до Узунларского озера и здесь оканчивающийся возле местечка Киммерик. Такая датировка, распространяющаяся на все три вала, представляется наиболее вероятной потому, что сооружение длинных валов по границе с воинственными скифами являлось весьма распространенной и обычной формой обороны от неожиданных набегов кочевников в раннескифское время. Геродот знает в Скифии киммерийские укрепления (IV, 12) и едва ли не подразумевает под ними тот «широкий ров на всем протяжении от Таврических гор до озера Меотиды, где оно наиболее широко», который, по его же словам, выкопали дети скифских рабов (IV, 3), которых еще Аммиан Марцелин (XXII, 8, 41) отождествлял с синдами; синды же, по нашему мнению, тождественны с киммерийцами.

По словам Страбона, «киммерийцы некогда имели большую силу на Боспоре, вследствие чего и Боспор был назван Киммерийским..., но затем скифы изгнали киммерийцев из этой страны, а скифов — эллины, основавшие Пантикапей и прочие города на Боспоре» (XI, 2, 5). В этих словах сжато сформулировано основное содержание политической истории Боспора до начала греческой колонизации включительно. Можно думать, что скифами, подчинившими своей власти Боспор, были не ближайшие соседи — крымские кочевые племена, а скифы нижнего Поднепровья — скифы царские. Очерчивая области, занятые этими скифами, Геродот не случайно указывает в качестве восточной границы их владений ров, выкопанный потомками скифских рабов (IV, 20), хотя степной Крым занимала другая группа скифов — скифы-номады. Ров, выкопанный рабами, очевидно, стал восточной границей скифов после того, как на берегах Керченского пролива утвердились греки, изгнавшие отсюда, по словам Страбона, скифов. Однако с появлением греческих городов набеги скифов на восточную сторону Боспора не прекратились. По сведениям Геродота, зимою, когда Боспор Киммерийский замер-

¹ Р. В. Шмидт, К исследованию боспорских оборонительных валов, СА, VII, рис. 1 (марта), стр. 269.

² К. Э. Гриневич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 160 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич, Некоторые итоги раскопок Тиритаки и Мирмекия, ВДИ, 1947, № 3, стр. 189 сл.

зает, «скифы, живущие по сю (т. е. по западную) сторону рва, идут в поход по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов» (IV, 28). Ясно, что опасность со стороны скифов грозила не только синдам, но и греческим колонистам.

Экономически Боспор в раннее время, да и позже, был теснее всего связан с Кубанью. В меотских племенах Прикубанья греки нашли вместе с тем естественных союзников против воинственных кочевников, приходивших из степей нижнего Поднепровья и Крыма. Но этот союз стал надежным и постоянным только в результате подчинения Боспора меотским племенам или, точнее, одному из их вождей, основателю династии Спартокидов.

Из вынужденного обстоятельства объединения греческих колоний Боспор при Спартокидах превратился в греко-варварское государство, включавшее в свой состав целый ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. Существенно отметить, что первые Спартокиды выставляли себя представителями традиционной власти и именовались архонтами греческих городов Боспора, а после присоединения при Левконе Феодосии включили в свою титулатуру и специальный титул архонта этого города. Отсюда можно заключить, во-первых, что появление Спартока на боспорском престоле не было результатом вооруженного захвата власти, а носило видимость добровольного призвания, а во-вторых, что греческие города при Спартокидах некоторое время сохраняли свои специфические особенности в государственном устройстве и могли рассматривать своих варварских правителей как наследственных архонтов; институт архонтов, прикрывавший монархическую власть, был достаточно обычным для греческого полиса и существовал на Боспоре еще при Археанактидах. По отношению к варварам Спартокиды также сначала занимали очень осторожную позицию. Ставя в своем титуле названия этих племен на втором месте, после греческих городов, они вместе с тем включали в него названия всех, по крайней мере, наиболее крупных, племен. Таким образом, эти племена, находясь в составе Боспорского царства, как бы сохраняли свою внутреннюю самостоятельность. Боспорское царство строилось, следовательно, по принципу федерации племен.

К сожалению, неизвестно, на какие племена распространялась власть Спартока и его ближайших преемников. Первая надпись, включающая варварские племена в титул царя, относится к Левкону (387—347), который именуется в этой надписи не только архонтом Боспора и Феодосии, но и царем синдов, торетов, дандариев и псессов (IOSPE, II, 6). Впрочем, имеется и другая надпись с именем этого царя, где он значится только архонтом Боспора и Феодосии (IOSPE, II, 343). Такое ограничение в титулатуре, однако, отнюдь не означает, что в какое-то время правления этого царя владения Боспорского царства не простирались на варварские племена Прикубанья. Оно, вероятно, относится ко времени, когда Левкон правил вместе с братом Горгиппом, владевшим азиатской частью царства, где жили варварские племена¹. Деление Боспорского царства на части между братьями известно и позже и также отражено в надписях. Так, например, сын Левкона, Перисад, правивший совместно с братом Спартоком, назван в надписи архонтом Феодосии и царем синдов и фатеев (IOSPE, II, 8); Пантикалеем и другими местными племенами в это время, вероятно, владел Спарток. Вообще говоря, едва ли было время, когда Спартокиды именовались только архонтами Боспора; они с самого начала были одновременно и царями варварских племен.

¹ В. В. Латышев, История Боспорского царства. *Почтыка*, СПб., 1909, стр. 75.

У Полиена (VIII, 55) имеется занимательная романтическая новелла о меотянке Тиргатао; из этой новеллы следует, что во время правления на Боспоре Сатира царем синдов был некий Гекатей. Этого Гекатея, низложенного с престола, Сатир снова поставил во главе синдов и для закрепления союза выдал за него свою дочь. Кем был низложен Гекатей, — Полиен не сообщает, но не исключена возможность, что низложил его тот же, кто и возвел вновь, т. е. боспорский царь. После смерти Гекатея место его во главе синдов занял сын Сатира, вышеупомянутый Горгипп. Следовательно, в начале IV в. боспорский царь распоряжался в Синдике, как в своем владении, и своею властью назначал и сменял ее царей — своих заместителей. В титулатуре боспорских царей синды всегда стоят во главе перечня подвластных племен. Синды жили ближе всех к Боспору, занимаемая не только черноморское побережье в районе Анапы, но и Таманский полуостров (в то время еще острова кубанской дельты). Весьма вероятно поэтому, что боспорская династия Спартокидов вышла именно из их среды, хотя для полного доказательства этого предположения нет достаточных данных.

Вслед за синдами, в титулатуре боспорских царей называются: дандари, тореты, псессы, фатси, досхи, причем позже все они объединяются под общим именем майтов (меотов). Замечательно, что и в это время название синдов все же сохраняется в титулатуре царя и, как всегда, стоит на первом месте (IOSPE, II, 10, 11). Синды, следовательно, занимали особенно важное положение среди меотских племен, едва ли не потому, что еще до возникновения греко-меотского Боспорского царства возглавляли меотский, может быть, даже киммерийский, союз и дали Боспору спартокидскую династию.

В начале III в. до н. э. в титулатуре боспорского царя наблюдается новое существенное изменение. Спарток IV именуется иногда архонтом (IOSPE, II, 13), иногда архонтом и царем (IOSPE, II, 348, 349) и, наконец, только царем (IOSPE, II, 14). Никаких упоминаний в его титуле Феодосии или отдельных подвластных племен уже нет. Очевидно, к этому времени даже номинальное различие между архонтом и царем исчезло; отпала надобность проводить различие между подданными и по этническому признаку. Процесс сложения Боспорского царства закончился, боспорские правители сделались неограниченными монархами.

Сильная в отношении греков своими традиционными связями с туземным населением, опираясь на дружину, на наемное войско и поддержку греческих городов, царская власть делается независимой и от туземного населения. Вместе с тем меняется и положение той туземной племенной знати, которая стояла во главе более мелких подразделений Боспорского царства. Она также приобретает новое значение, исходящее уже не из народного избрания и не из обычного порядка родовой организации на последних этапах варварства с ее наследственной аристократией, а из пожалования царя. Царь назначает своих заместителей; он заменяет традиционные племенные власти своими ставленниками или же превращает племенных вождей в своих покорных слуг. Словом, родовая демократия заменяется государственным строем. Все это, без сомнения, в сильнейшей степени ускоряет процесс экономической дифференциации туземного общества и рано или поздно приводит к полной ликвидации родового строя, если не по форме, то по существу экономических и социальных отношений;

Известно, что боспорский царь был крупным экспортером хлеба¹,

¹ А. Кацевалов, Торговля хлебом греческих колоний Северного Черноморья, «Научные записки», 1928; С. А. Желев, Основные линии экономического раз-

что в его хозяйстве были большие керамические мастерские, изделия которых, например черепицы с именем царя, широко распространялись¹. Хозяйство туземной знати росло, представители ее превращались в землевладельцев и рабовладельцев. Вместе с тем несомненно, что те колоссальные количества хлеба, какие собирались в руках боспорского царя, поступали не только из его собственных имений, из царского хозяйства, — вероятно, значительную часть этого зерна царь получал от туземного населения в виде натурального налога. Точно так же и правители отдельных областей, царские наместники, иногда назначавшиеся из числа вступивших на службу царю греков, эксплуатировали подчиненное им население прежде всего в форме натуральных налогов.

В надписи римского времени из Фанагории упоминаются «пелаты», переданные вместе с землей во владение святилища Афродиты². Античные авторы называют термином «пелаты» как наемных рабочих, так и зависимых земледельцев, которые за долги должны были работать на полях богатей. В римское время этим термином пользовались для обозначения клиентов и других зависимых людей. Очевидно, и на Боспоре имелись зависимые земледельцы, которые переходили от владельца к владельцу вместе с землей, на которой они сидели. Это были предшественники колонов, при Спартокидах, возможно, еще не утратившие личной свободы. Они были обязаны выплачивать налоги и аренды, являвшиеся основным источником той массы товарной продукции, какой располагали боспорские цари и окружавшая их аристократия.

То место и та роль, которую получил туземный господствующий класс в Боспорском царстве, не могли не сказаться на его культурном облике. Туземная знать быстро эллинизировалась, усваивала греческий бытовой уклад, античную идеологию. Уже следующий за Спартоком царь, Селевк, носит греческое имя. В дальнейшем у боспорских царей преобладают чисто греческие имена. Но было бы неправильно полагать, что варварская знать усваивала греческую культуру без всяких изменений, что это было только усвоение, а не переработка в соответствии с местными традициями и условиями. Так, например, в религии наибольшее развитие получают на Боспоре такие греческие культы, которые имели соответствия в туземной религии, а именно, культы женских божеств плодородия, растительных сил. В искусстве точно так же распространяются мотивы, родственные туземным.

Потребности туземного господствующего класса вызывают развитие художественных производств на Боспоре. Имеются предметы этих производств в виде золотых и серебряных изделий, резьбы по дереву и кости, скульптуры из камня, керамики и терракот, наконец, живописи, не говоря уже об архитектуре, известной, к сожалению, пока лишь, главным образом, по погребальным сооружениям (каменные склепы). Все эти произведения представляют более или менее значительные особенности не только в технике, но и в формах, и в мотивах, и даже в стиле по сравнению с греческими. Часть их является стилистической переработкой под знаком античного искусства туземных форм и мотивов, часть видоизменением и приспособлением к местным условиям и потребностям обыч-

вития Боспорского государства, ИАН ООН, 1934, № 8—9; Г. М и щ е н к о, Торговые сношения Афинской республики с Боспорским царством, «Изв. и Уч. зап. Казанского ун-та», XIV, (1879), № 7.

¹ В. Ф. Г а й д у к е в и ч, Строительные керамические материалы Боспора, ИГАИМК, вып. 104 (1934). «Из истории Боспора», 266; Б. Н. Г р а к о в, Эпиграфические документы царского черепичного завода в Пантикалее, там же, 202 сл.

² IOSPE, II, 353; С. А. Ж е б е л е в, Основные линии..., 598 сл.

ных греческих типов. Эти изделия пользовались распространением не только в пределах Боспорского царства, но и далеко за его границами, проникая широкой струей в скифские области.

Заканчивая краткую, далеко не всестороннюю характеристику Боспорского царства, история которого выходит за границу поставленной нами темы, следует подчеркнуть, что античные колонии сыграли решающую роль в его образовании и истории. Без них Боспорское государство в то время и в том виде, в каком его знает история, не возникло бы. Вместе с тем Боспорское царство не следует отождествлять с колониями. Они составляли только часть его, тогда как в остальном это было туземное государственное образование, интересное для нас как древнейший пример возникновения классового, рабовладельческого общества и государства в Северном Причерноморье. Само собой разумеется, что путь возникновения государства, намеченный Боспором, не единственный, и история Северного Причерноморья как раз и показывает, что наряду с ним имели место и другие пути, обусловленные историческими особенностями места и времени, в которых совершался этот процесс¹.

¹ М. И. А р т а м о н о в, Скифское царство в Крыму, «Вестник ЛГУ», 1948, № 8, стр. 56.